

Шигабдинов Ринат

АДАПЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИСЛАМСКОЙ ШКОЛЫ. УРОКИ КУЛЬТУРНО- ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ. ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XX ВЕКА. (НА ПРИМЕРЕ УЗБЕКИСТАНА)

К 1917 году в Туркестане существовали три типа школ для местного (туземного) мусульманского населения: 1) исламские – старометодные мактабы и медресе (мадраса); 2) новометодные (джадидские) школы, занимавшие промежуточное положение между исламскими и светскими учебными заведениями; 3) светские – русско-туземные школы. Среди этих типов наиболее весомым в количественном отношении и значимым для местного населения был первый тип – традиционные исламские учебные заведения, уходящие своими корнями вглубь веков.

Известный исследователь Туркестана досоветского времени Н.П. Остроумов (1846-1930) указывал, что «эта школа, имевшая схоластическо-религиозный характер, «развивалась и укреплялась постепенно при наличности местных бытовых условий, которые не утратили своего значения и в наши (т.е. в начале XX века – Р.Ш.) дни. Русское административное влияние практически не затронуло эту школу»¹. Тот же исследователь отмечал не только укорененность данного типа учебных заведений в местном мусульманском обществе, но и их устойчивость, своего рода историческую живучесть, вследствие чего всякие попытки его реформирования должны быть продуманными. И, главное, ненасильственными. В противном случае, неизбежно «появление регрессивных изменений»².

Связано это было, безусловно, с тем, что местное туркестанское общество представляло собой цивилизационный феномен, отличный от того европейского варианта, который предлагался российской колониальной администрацией, ответственной за развитие образования на территории края. Местное общество, открытое для некоторых цивилизационных новаций в сфере экономики, предпочитало сохранять свою самостоятельность, как в сфере религии, так и в тесно связанной с ней образовательной системе. При этом в нем справедливо полагалось, что воспитанная в традиционных, исламского характера учебных заведениях разного уровня (кари-хана, мактабы, мадраса), местная мусульманская молодежь прежде всего будет включена в социально-

психологическую систему местного общества, и будет воспроизводить из поколения в поколение ценности, которые питали и которыми жило туркестанское традиционное общество. Потому основная часть местного населения неприязненно относилась к второму типу учебных заведений – новометодным (джадидским) мактабам. Потому и потерпели фактическое фиаско русско-туземные школы в среде местного оседлого населения.

В этом смысле Н.П. Остроумов, хорошо знакомый с местной действительностью, вполне точен был в своем предсказании бесполезности реформирования традиционной школы, отражавшей на своем уровне цивилизационную знаковую местного общества. Добавим, что малый эффект в этом смысле имела и деятельность С.М. Граменицкого (1859-1919) – одного из наиболее ярких представителей русских педагогов и деятелей в области образования в Туркестане. Учебники русского языка, составленные им для русско-туземных школ, за небольшим исключением, содержали полезный общеобразовательный материал. С.М. Граменицкий, к сожалению, считал, что развитие национальных языков в Средней Азии не может входить в задачу государственной школы России³.

В начале XX века в Туркестане на исторической арене появляется новая сила реформаторов (джадидисты) из среды местного населения. В начальный период джадидисты выступили за реформы в области образования, пытаясь соединить принципы исламской и европейской школы. Судя по опубликованным материалам, немало преуспел в деле реформы традиционной системы образования выходец из местного общества 'Абдаллах Аулани (Awlani) (1870-1934), понимавший неадекватность старой, конфессиональной по своему духу и содержа-

нию, школы новым условиям⁴ (поток новых идей шел в основном из татарской среды Поволжья и из Стамбула). И он не был одинок в своих новаторских устремлениях. Немало джадидистов (хотя в общей массе традиционного населения число их и было невелико), также пытались в противовес традиционным учебным заведениям создавать новаторские учебные заведения. Новометодные мактабы не только занимали заметное место в системе образования, но и представляли собой серьезную альтернативу русско-туземным, а после октября 1917-го года – и советским школам. Так, например, «в 1917 году новометодных школ насчитывалось в Ташкенте – 24, в Самаркандской области – 5, в Сырдарьинской области (включая пригородные районы Ташкента) – 39, в Ферганской области – 30. Таким образом, на территории Узбекистана было около 90 новометодных школ»⁵. Джадидисты, начав с идеи реформ в области образования, в дальнейшем эволюционировав, стали активно заниматься идеями реформирования всего туркестанского общества. С приходом к власти большевиков движение джадидистов раскололось: одна часть эмигрировала, другая – активно с оружием в руках боролась с советской властью (так называемое басмаческое движение), третья – пошла на сотрудничество с новой властью.

Следует отметить, что неукладу джадидистов за новую школу (новометодный мактаб) в немалой степени содействовал фактор неприятия этого инновационного по содержанию движения со стороны царской колониальной администрации, подозревавшей этот слой новаторов в исповедовании идей панисламизма и пантюркизма. П.А. Столыпин (1862-1911) в годы его премьерства (1906-1911) стали все сильнее беспокоить процес-

сы, происходившие в «мусульманском мире» внутри России и за её пределами. А в 1909 г. российский премьер пришел к твердому убеждению в том, что ислам представляет «особо сильную» угрозу для безопасности государства, сам же «мусульманский вопрос» не может не считаться грозным⁶.

Таким образом, новометодный мактаб, только начинавший процесс модернизации, с одной стороны испытывал сильное давление со стороны царских властей, видевших в ней большую опасность, чем в традиционных мактабах и мадраса. С другой стороны, традиционное духовенство не принимало новометодного мактаба, негативно относившись ко всяким новшествам.

Возможно, отчасти, поэтому в Туркестане на 1 января 1913 г. по подсчетам Н.П. Остроумова, насчитывалась широкая сеть исламских учебных заведений в 7290 мактабов (70864 учащихся) и 376 мадраса (9637 студентов)⁷. Это была довольно широкая для своего времени сеть системы образования. Например, через начальную стадию этой сети – мактабы проходил значительный слой местного населения. Такие традиционные учебные заведения как мактабы давали азбучную грамотность, позволявшую читать религиозную и художественную литературу на арабской графике, а также более эффективно заниматься торгово-промышленной деятельностью. Более высокую степень образования давали студентам мадраса. Выпускники мадраса в основной своей массе пополняли ряды духовенства (кади, муфти, имамы, мударрисы и т.д.).

Исламское образование в 1917-1920 годы

Советский период (с 1917 г.) в истории исламских учебных заведений Туркестана (с 1924 г. и Узбекиста-

на) в исследовательском отношении представляет наибольший интерес из-за ее малоизученности. Эта тема выпадала из поля зрения исследователей в советском обществе, стремившиеся построить атеистическое государство.

Февральская революция 1917 г. по всей территории Российской империи пробудила в народе чувства стремления к свободе. Нужно отметить, что процессы по Средней Азии в трех государственных образованиях – Туркестанской АССР, Бухарском ханстве/эмирате и Хивинском ханстве происходили по-разному. С развалом империи в двух государствах-протекторатах наблюдается ослабление контроля со стороны центра.

На территории Туркестанского края бывшей Российской империи появляются много политических партий и движений, основанных на националистических и религиозных принципах – «Шура-йи исламийа», «Улама' джам'ийати», «Турк адами марказийат партияси», «Туркистан сусйалистлари тудаси-Эрк», «Йаш бухараликлар», «Алаш» и др. Большинство из них ратовало за культурную автономию Туркестана в составе России. В будущей системе государственности по их учению исламу придавалось одно из основных мест, что вступало в конфликт с тоталитарной и атеистической сущностью советского государства.

Фактически в ранний период советские власти продолжили старую имперскую политику «игнорирования» исламских учебных заведений. Основным враждебным элементом в области образования были признаны традиционные мактабы и мадраса (так называемые «старометодные»).

В 1918 г. были приняты законодательные меры, направленные на ликвидацию различных типов школ царского периода (гимназии, реаль-

ные училища, русско-туземные школы, учительские семинарии и т.д.), конкурировавших с советской школой. Все частные учебные заведения «со всем инвентарем, учебными пособиями и наличным персоналом передавались в ведение местных отделов народного образования»⁸. Эта мера касалась и новометодных (джадидистских) мактабов⁹. Национализация означала установление монополии государства на организацию работы учебных заведений общобразовательного характера. Именно в это время создавались национальные разновидности советской «единой трудовой школы» – русская, узбекская, казахская, татарская, киргизская, туркменская, таджикская и другие.

Правительство Туркестана в трудные годы, опасаясь усиления негативного отношения к советскому режиму, шло на отдельные уступки. Так, приказом от 9-го ноября 1918-го года было дано разрешение на преподавание религии в советских школах для мусульманского населения¹⁰.

Но традиционные конфессиональные мактабы и мадраса реорганизации не подвергались. Хотя в «Распоряжении народного комиссариата просвещения Туркестанской республики отделам народного образования об упразднении русско-туземных и конфессиональных школ» от 14-го декабря 1918-го говорилось:

«Чуждые жизненным интересам уцелевшие ещё в Туркестанской республике инородческие конфессиональные школы, старометодные, новометодные в дореволюционный период пользовались субсидиями из правительственных и местных источников.

В настоящее время субсидирование этих школ недопустимо.

Предлагаем отделам народного образования через местные Совдепы (советы депутатов) ко всем подобного

рода школам обратиться с опросом, не пожелают ли они реформироваться и принять республиканский вид»¹¹.

Таким образом, решение вопроса о будущем конфессионального образования откладывалось на будущее.

А будущим Туркестана и всей территории бывшей Российской империи был коммунистический режим. И установки его, в частности в системе школьного образования, были иные, радикально отличавшиеся от предшествующих. Собственно, квинтэссенция задачи Советской власти в отношении коренного мусульманского населения Туркестана формировалась ещё в годы «Гражданской войны» (1918-1920-е годы). Народный комиссариат просвещения Туркестанской республики по этому поводу в своём докладе «Об основных задачах коммунистического просвещения в Туркестане» на съезде заведующих отделами народного образования заявлял: «Идеалом мусульманского общества является человек политически лояльный, трудовой, покорный и благочестивый. Наша задача – устранить его политическую лояльность. Необходимо ещё разрушать мусульманскую школу, так как процесс её разрушения ещё не закончен». Правда, Назир (Nadhir) Тюрякулов (Turaqulov) (1892-1937), высказывание которого мы привели, отметил, что к этой задаче надо подходить осторожно¹².

Боевые действия, которые на территории Туркестана приняли широкий размах, включая гражданскую войну в европейском секторе колониального общества, а также басмаческое движение, привели по сути к вопросу о выживаемости в данных экстремальных условиях того или иного типа учебных заведений. И сравнение это было отнюдь не в пользу новой советской школы, которую под опеку взяло государство. Оно не смогло обеспечить нормального функционирования

учебных заведений. Более того, немало советских школ действовали только на бумаге, а масса учительского состава голодала, поэтому учебный процесс был запущен. Например, на I съезде заведующих отделами народного образования (23 мая 1920-го года) констатировался следующий факт: «Советских школ очень много, но толку в этих школах очень мало. У нас теперь имеется Единая Трудовая школа, но эта школа во многом уступает прежней старой школе. Мы можем констатировать факт, что уровень знаний упал до невероятности»¹³. Народный комиссар (министр) просвещения Туркестанской республики В. Билик говорит об этом же в своей статье, что традиционные учебные заведения, имеющие высокий авторитет в среде местного населения является сильным соперником советских школ¹⁴.

Затратная, работавшая на войну экономика «военно-коммунистического» общества оказалась не в состоянии обеспечить надежную основу народного образования. Причины тому были разнообразного характера – материального, организационного, политического. Но факт остается фактом. Даже в условиях, когда коренное мусульманское население страшно бедствовало, традиционная исламская школа сохранилась и активно функционировала. Наиболее презентативна в этом отношении Ферганская долина, где, как отмечалось в марте 1919 г. на VII съезде Советов Туркестанской республики, коренное население вымирало, когда смертность достигала десятков тысяч человек в день¹⁵. Даже в этих тяжелейших условиях конфессиональная школа, опирающаяся не на государственные органы, а на самодеятельность населения, выстояла, сохранила свою традиционную структуру, что и позволило ей выжить в более благоприят-

ные с экономической точки зрения 1920-е годы. Это наглядно показывает ее тесную связь с традиционным обществом.

Средств же на содержание советской школы в условиях перехода с марта 1921 г. к Новой экономической политике (НЭП) стало катастрофически не хватать¹⁶. В этих условиях материальное положение как учеников, так и учителей, особенно кишлачного учительства, было очень тяжелым. Система советской национальной школы находилась в глубоком кризисе. Ускорился процесс перехода учеников в старометодные мактабы, которые, как и мадраса, содержались за счет вакфов (waqf) и пожертвований.

В целом, конфессиональные учебные заведения, в отличие от других типов школ, сохранились практически в неприкосновенности. В начале 1920-х годов они оказались в центре внимания различных политических сил. Туркестанские джадидисты, стремившиеся создать современную национальную школу, отстаивали идею светского образования и боролись против чисто исламских учебных заведений еще в досоветский период. Но их, естественно, не устраивала и крайне политизированная советская школа, с ее классовый, идеологической направленностью. В частности, в узбекских советских школах заправлялись к изучению и исполнению старые узбекские песни – «узконациональные», по мнению коммунистов.

Кризисное состояние узбекских советских школ, а также уход учеников в традиционные, конфессиональные мактабы побудили джадидистов предложить в 1920 г. свою программу создания национальной узбекской школы. В мае 1920 года на I съезде заведующих отделами народного образования Мунаввар-кари 'Абдурашидханов (1878-1931) (Munawwar-qari

‘Abd al-Rashid-khanov) выступил с докладом от имени Тюркской секции Наркомпроса «О вакуфах в Туркестане». Предлагалось, используя доходы от вакфов, и при соответствующей помощи правительства, тысячи старометодных мактабов и мадраса, путем изменения программ и других целесообразных мер, из религиозных учебных заведений «превратить в культурно-просветительский источник»¹⁷. То есть, предусматривалась постепенная трансформация традиционных исламских учебных заведений в светские. Мунаввар-кари так объяснял причину реформирования старометодных учебных заведений: в средневековых мадрасах и мактабах Средней Азии наряду с исламом и шари‘атом преподавались чисто светские дисциплины – арабский язык, логика, география, астрономия, математика, медицина. Такие школы дали «великих ученых, профессоров, философов». Однако, после русского завоевания колониальные власти ликвидировали культурно-просветительские вакфы, оставив нетронутыми в корыстных целях религиозные вакфы. Поэтому школы приобрели чисто конфессиональный вид. Теперь надо их реформировать, превратив в полезные для народа учреждения¹⁸. В этих школах наряду с такими религиозными дисциплинами, как исламское вероучение (кава‘ид-и динийа), рецитация Корана, священная история надо было преподавать светские дисциплины – русский, тюркский, персидский, арабский языки, арифметику, каллиграфию, географию, природоведение, литературу, рисование и др.¹⁹

Со своей стороны, советская власть была ориентирована на создание только одного типа школы – советского и стремилась не реформировать, а разрушить сеть традиционного профессионального образования.

Таким образом, старая мечта джадидистов о новометодном мактабе, объединявшем принципы светской школы исламского учебного заведения, оказалась невыполнимой в условиях коммунистического режима.

Сеть традиционного исламского образования

Территории Бухарского и Хивинского ханств с 1917 г. по 1920 г. из-за гражданской войны фактически оставались вне зоны советского контроля. Эти структуры из-за слабого контроля со стороны центра стали временно функционировать в некотором роде независимо. Это положение особенно сильно проявилось в области образования, управление которой было частью внутренней политики местных правительств. Многие явления в этих государствах-протекторатах отличались от аналогичных процессов, имевших место в прямой подконтрольной русским зоне – Туркестанской АССР. В советской науке существовала неправильная практика рассматривать процессы в этих трех образованиях в рамках одной темы – образование в республике Узбекистан. Смешение в ней (зачастую сознательное) вопросов исламского («старометодные» мактабы и мадраса) и светского (советские школы, «новометодные» мактабы) образования крайне затрудняло освещение этой научной проблемы. К тому же из двух уровней образования – организованный (институционализированный: мактабы, мадраса) и неорганизованный (неинституционализированный: обучение на дому детей, бином «учитель-ученик», суфийские кружки «халка» – halqa и др.), второй вовсе остался неизученным. Тем более, в грядущие годы борьбы с организованными формами исламского образования (1921-1928) и массовых гонений на мусульманских деятелей-‘улама’ («пер-

вая чистка» в 1927 г., «вторая чистка» в 1937-1938 гг., «третья чистка» в 1949 г.) неорганизованная форма обучения исламу по воспитанию религиозно образованных людей, в передаче традиций в области конфессионального образования станет главной. На их основе в советское и постсоветское время стали формироваться и функционировать нелегальные институты мусульманского образования (худжра – *hujra*). К тому же стремления деятелей коммунистической и новой идеологий выпячивать деятельность «прогрессивных» джадидистов в области «народного» образования²⁰ оставили и оставляют в тени изучение тенденций изменения в среде им же названных «кадимистов». До сих пор тема истории ислама и исламского образования в двух вышеупомянутых российских протекторатах остается малоисследованной. Особенно слабой остается источниковая база таких исследований²¹.

Сеть исламских школ в традиционном обществе существовала за счет доходов с вакфов, разных форм добровольных пожертвований граждан (ихсан, хайр-садака, назр и др.) (*ihsan, khayr-sadaqa, nadhr*)²². Государство через институты кади (оформление и обновление документов по превращению имущества в вакф, отдача вакфного объекта в аренду и т.д.), ра'ис, садр (контроль за правильным использованием вакфного имущества) пыталось осуществлять контроль за этой сетью, бороться со злоупотреблениями в этой сфере. Традиционное гражданское общество же через назначение управляющих вакфами (мутавалли – *mutawalli*) и контроль за их деятельностью также пыталось влиять на процессы в системе конфессионального образования.

Учебный процесс традиционно организовывался преподавателями (мактаб-дар, мулла, кари, мударрис,

ахунд, устаз и др.) (*maktab-dar, mulla, qari, mudarris, ahkund, ustadh*). Жесткий контроль за качеством обучения и методикой преподавания со стороны шайх ал-ислама (*shaykh al-islam*) почти не осуществлялся. На начальном этапе учащимся мактабов прививались навыки чтения и заучивания текстов наизусть (на основе выучивания одной седьмой части Корана – «Хафт-и йек» (*Haft-i yek*), диванов персоязычных и тюркоязычных поэтов). Идеология местной формы бытования ислама (ханафитского и суфийского содержания) осваивалась в результате прохождения стандартных учебников типа «Чахар китаб», «Бе-дан» (*Chahar-kitab, Be-dan*) и др. Большая часть населения ограничивалась этим объемом знаний. Наиболее способные учащиеся продолжали занятия. На следующих ступенях образования (мадраса) можно выделить следующие блоки дисциплин: арабская филология (ал-'арабийат – *al-'arabiyyat*), коранические науки ('улум ал-кур'ан – *'ulum al-Qur'an*), хадисы ('улум ал-хадис – *'ulum al-hadith*), богословская философия (ал-'ака'ид вал-мантик – *al-'aqa'id wa-l-mantiq*) и мусульманское право (ал-фикх – *al-fiqh*). Если по части мусульманского права изучались преимущественно ханафитские труды, то в хадисах и теологии наблюдается слияние ханафитских и шафи'итских традиций. Следует особо выделить смешение матуридитских и аш'аритских традиций в теологии. Эта система конфессионального образования, сформировавшихся в основном в Тимуридскую эпоху (1370-1506), дошла до нового времени с незначительными изменениями и дополнениями²³. Среди новых изменений можно упомянуть появление персоязычных, тюркоязычных переводов элементарных учебников, все большее выделение в отдельные самостоятельные институты заведений,

где готовили чтцов Корана (кари-хана), читали сочинение «Дала'ил ал-хайрат» (дала'ил-хана) ал-Джазули (ум. в 1465 г.)²⁴. Нужно отметить консервативность этой системы: по части мусульманского права изучали, выучивали наизусть «Китаб ал-хидайа» Бурхан ад-дина ал-Маргинани (ум. в 1197 г.), «Шарх ал-викайа», «Мухтасар ал-викайа» («ан-Нукайа») ал-Махбуби (ум. в 1346 г.), по хадисам – «Мишкат ал-масабих» ал-Хатиб ат-Табризи (писал в 1336 г.), по тафсирам – «Анвар ат-танзил» ал-Байдави (ум. в 1316 г.), «Мадарик ат-танзил» 'Абдаллах ибн Ахмад ан-Насафи (ум. в 1310 г.) и др. Несмотря на утверждения некоторых деятелей (Мунаввар-кари 'Абдуррашидханов), в этой системе дисциплины чисто светского содержания отсутствовали. Например, филология и история обслуживали основные религиозные дисциплины. Это указывает на конечную цель этой сети образования – подготовка религиозно высокообразованных людей (мулла, 'улама'). Кадры (ремесленники, земледельцы, парикмахеры, лекари и др.) для производственных сфер готовились в семейных ремесленных кругах²⁵.

Другой важной формой получения исламского образования было суфийское воспитание. Действовавших в данное время суфийских шайхов можно подразделить на три группы: 1) шайхи братства Накшбандийа; 2) шайхи братства Кадирийа; 3) различные семейства хваджа (Джахрийа). Среди накшбандиев выделялись группы Хусайнийа, Дахбидийа, семейные кланы Хваджа-ахрари, Махдум-и а'зами, Мийан-сахиб-зада. Кадири-ты были активны на территории бывшего Кокандского ханства. Их сеансы громких радений (зикр-и джахр) привлекали широкие массы населения. Хваджа имели традиционно сильное влияние среди кочевого населения. Среди туркмен сильное влияние име-

ли 6 родов «аулад» (их общее количество оценивается примерно в 30 тысяч человек): хваджа, ших, сейит, магтым, ата, муджевур²⁶. Казахские генеалогии определяют количество родов казахских хваджа в 17: ак-корган, ак-кожа, баксайыс, хорасан (корасан), дуана, сейит, кылышты, сабылт, кылауыз, жусип-кожа, карахан, керейит, шарип-кожа, кырык-садак, турикпен-кожа, сунак и смаил-кожа. На территории современного Узбекистана среди кочевого населения высоким авторитетом пользовались многочисленные семейства ишанов, махдумов, саййидов. Среди хваджа определенное влияние получили учения различных суфийских братств, таких как Накшбандийа, Кадирийа. Установление же конкретных влияний требует сбора подробной информации в семейных архивах потомков хваджа по всей Центральной Азии. В оседлых регионах семейства хваджа концентрировались вокруг крупных святых мест, таких как источники возле могилы пророка Аййуб в Джалал-абаде, Тахт-и Сулайман в г. Ош (Республика Кыргызстан), Хваджа Ахмада Йасави в г. Туркестан (Республика Казахстан), Баха' ад-дина Накшбанд, Занги-ата, Султан Увайс ал-Карани (Республика Узбекистан) и др. Нередко хваджа и суфийские шайхи, особенно в регионах с преобладающим кочевым населением, для преподавания своим муридам начальных религиозных знаний (шари'ат) нанимали мударрисов, ахунов и открывали мадраса. Например, такое явление было широко распространено в Каракалпакистане; среди конфискованных книг библиотеки в ханакахе Дукчи-ишана – предводителя Андижанского восстания в 1898 г. значительную часть составляли стандартные учебники мактабов и мадраса²⁷.

Период трех республик (Туркестанская АССР, Бухарская НСР, Хорезмская НСР, 1920-1924)

Важным фактором в ликвидации исламского типа учебных заведений был подрыв материальной базы их существования. В ноябре 1920 г. согласно Положения Центрального исполнительного комитета (ЦИК) Советов и Совнаркома Туркестанской АССР, все вакфные земли переходили в ведение народного комиссариата просвещения, который должен был использовать их для своих нужд. Тем самым было объявлено о национализации всех вакфных земель. Однако, в то время данное постановление не могло быть реализовано на практике. Основными причинами были неподконтрольность органам советской власти значительной части территорий Туркестана, на которой шло вооруженное сопротивление местного населения в форме басмаческого движения, а также неприятие традиционным обществом резкого и массового перехода к другой системе образования. Учитывая создавшуюся общественно-политическую обстановку в первой половине 1922-го года ЦК коммунистической партии Туркестана и его правительство, изменив свою политическую линию пошли на уступки. Мечетям и мадраса было возвращено конфискованное имущество, вновь открыты старометодные мактабы²⁸.

24-го октября 1922-го года вышло постановление Президиума Туркестанского ЦИКа, которое предоставило населению «право преподавания вероучения за свой счёт и не во время учебных часов»²⁹. Правда, вышестоящая организация, Президиум Всероссийского ЦИКа (Москва) 4-го января 1923-го года решил: «Постановление ТуркЦИКа о введении преподавания вероучения в Советских школах отменить»³⁰.

На VI съезде советов Туркестанской АССР, проходившем 2–6-го декабря 1922-го года, было принято следующее постановление: «Разрешить вакфный вопрос в смысле использования, по возможности, доходов (от) вакфного имущества, первым долгом для советских и новометодных (реорганизованных духовных мусульманских школ), начиная с низших ступеней. Дать широкую возможность к развитию новометодной школы... в целях борьбы с реакционным духовенством»³¹.

28-го декабря 1922 года выходит декрет Центрального исполнительного комитета советов Туркестанской республики об управлении вакфным имуществом. По этому декрету объявлялось:

«Вакуфные земли и другие имущества принадлежавшие до революции мечетям, хадже-хане, кары-хане, мазарам, а равно благотворительным и культурно-просветительным учреждениям (медресе, мактабы, йатим-хане и т.д.) отдаются в пользование этих учреждений по принадлежности.

7. Главное вакуфное управление (функционировало с 1923 г. по 1926 г.) учреждается при народном комиссариате просвещения:

8. На Главное вакуфное управление возлагается:

в) руководство всей учебно-воспитательной частью медресе и ново- и старометодных школ;

з) наблюдение за тем, чтобы все школы коренного населения, содержащиеся на средства вакуфов, оставались на иждивении вакуфов»³².

Через 2 месяца, 24-го марта 1923 года в печати публикуется «Положение о порядке и способе проведения декрета ТуркЦИКа ...О вакуфах». Согласно положения: в Главном вакуфном управлении (ГВУ) создаются 3 отдела (1) организационно-информационный;

2) академический; 3) финансово-хозяйственный). В академическом отделе имелись пункты, касающиеся непосредственно конфессионального образования. На академический отдел возлагались следующие задачи:

А) найти меры к реформированию старометодных систем в школах и медресе и проведение в них идей отвечающих современным требованиям.

Б) составление проектов программ для реорганизованных учреждений и издание учебников для них, подготовка с Главсоцвосом (Главное управление социального воспитания политического образования детей до 15-ти лет при наркомпросе Туркестанской республики) преподавателей, отвечающих требованию новых программ.

В) подготовка мулл, хатибов, казиев и муфтий на основе революционного правосознания из средств духовных вакуфов...

Местные вакуфные отделы:

Е) реформирование старых школ, медресе и т.д. по указаниям инструкции ГВУ;

Ж) назначение мударрисов и учителей в реорганизованных медресе и школы;

З) организация и открытие курсов для выпуска современных учёных мударрисов и учителей совместно с Отделами народного образования;

И) открытие новометодных школ и восстановление школ коренного населения, изъятых из непосредственного ведения Наркомпроса»³³.

На VII съезде коммунистической партии Туркестана, проходившем в феврале 1923 года, рассматривался вопрос об антирелигиозной пропаганде. В утвержденных тезисах подробно излагались соответствующие мероприятия, касающиеся конфессиональных учебных заведений:

«Антирелигиозная пропаганда должна иметь ввиду борьбу за советизацию так называемых новометодных мактабов...

Так борьба за новометодный мактаб против старометодных должна иметь в виду последующую советизацию второго, привлечение джадидистской интеллигенции в сторону расслоения интеллигенции и всяческую поддержку наиболее левой близкой нам части. Легализация Махкама-йи шар'ийа должна предполагать усиление общественно-прогрессивной части самой улемы, так называемого низшего духовенства или студенчества высшей духовной школы и т.д.»³⁴.

14-го февраля 1923-го года в Ташкенте в соответствии с постановлением Туркестанского ЦИКа было учреждено «Махкама-йи шар'ийа» («Шари'атское управление»), возглавлявшееся известными деятелями ислама. Заметим, что организация и деятельность этого духовного управления мусульман Махкама-йи шар'ийа, возникшего за 20 лет до уже другого широко известного Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана (САДУМ, 1943 г.) мало исследована в исторической литературе. Сфера деятельности Махкама-йи шар'ийа в основном распространялась на религиозные общества Ташкента, Андижана, Коканда, Маргелана, Намангана, Ферганы и прилегающим к ним мест. В Махкама-йи шар'ийа имелся отдел, решавший вопросы, связанные и с религиозными учебными заведениями – мадраса и мактабами. Махкама-йи шар'ийа поставило под своё прямое влияние конфессиональные учебные заведения, были организованы курсы для учителей этих школ, посещение которых считалось обязательным. Эти меры, по словам одного из руководителей тогдашнего Узбекистана Акмаля Икрамова (1898-1938), в отношении этой организации в то время были не уступками, а тактикой коммунистической партии»³⁵.

Вопрос темпов советизации исламских школ был рассмотрен на XII

съезде советов республики: «Констатируя усилившийся приток вакуфных средств, могущих послужить укреплению советской школы, съезд находит своевременным усиление темпа советизации старометодных мактабов путем обновления педагогического их содержания и методических приемов и организации курсов по переподготовке старого учительского персонала»³⁶.

В 1926/27 учебном году в Андижане количество исламских учебных заведений намного превышало число советских школ³⁷. По признанию партийного лидера Республики А. Икрамова, в Намангане в 1926 г. учащихся старометодных мактабов было больше, чем учеников в советских школах³⁸. В середине 1920-х годов только треть начальных школ Узбекистана находилась в ведении Советского государства, а две трети их относились к исламским учебным заведениям.

Несколько в иной ситуации существовало исламское образование в Хиве и Бухаре после ликвидации Хивинского ханства и Бухарского эмирата в 1920 году. Как известно, после крушения этих ханств возникли Хорезмская народная советская республика (ХНСР) и Бухарская народная советская республика (БНСР), и они просуществовали до своего вхождения после национально-территориального размежевания в образованную в 1924 году Узбекскую советскую социалистическую республику (УзССР).

Специфика условий БНСР и ХНСР требовала выработки особых мер по отношению к исламу и исламским учебным заведениям, отличных от тех, которые применялись в районах Центральной России и Туркестана. В 1920-1923 гг. в Бухаре и Хорезме духовенство не было лишено права избираться и быть избранным, оно входило в состав правительства, принимало

участие в работе курултаев народных представителей (съездах Советов). Они избирались в местные и высшие органы власти.

Ликвидация ханств (Бухара, Хива) военным путем и формирование двух «народных советских республик» на их месте породили массу проблем для властей. Советизация этих новых административных образований проходила крайне болезненно. Старые институты исламского образования в двух республиках были обречены, постепенно начались их трансформация в новометодные мактабы, советские школы, затем и вовсе их ликвидация. Приходилось за какие-то 3-4 года по 6-7 раз принимать новые конституции, где с каждым разом среди прочих ужесточалось отношение к религиозному вопросу³⁹. В конце концов было открыто заявлено о настоящем отношении коммунистов к традиционной исламской школе: «Борьба со старометодной школой, пользующейся в Бухаре, куда большим авторитетом и популярностью, в сравнении с советской, новометодной школой, где учитель должен взять на себя всю тяжесть борьбы с реакционными муллами»⁴⁰. Например, на Коллегии Народного комиссариата народного просвещения ТАССР 17 мая 1921 г. было принято постановление «Признать существование старометодных школ недопустимым, принять меры к закрытию их по мере обеспечения детей школьного возраста советскими школами». Однако, жесткие меры властей по «советизации» встретили упорство местного населения в форме повстанческого движения, больше известного в исторической литературе как «басмачества». Включение территорий двух ханств в советские структуры, видимо, порождало радикализацию мусульманского населения и на территории ТАССР. Тогда последовала вынужденная

мера. Постановление ЦК РКП (б) «О туркестанско-бухарских делах» от 18 мая 1922 г. в числе прочих предусматривало: «...для успешной борьбы против басмачей, усиление политической работы среди туркмен и таджиков, ряд уступок местному населению, – возвращение конфискованных вакуфных земель, легализация казийских судов и проведение амнистии умеренных элементов басмачества». На такое указание тут же среагировал Пленум Средазбюро ЦК РКП (б) от 20 мая 1922 г., приняв «решение о возвращении вакуфных земель, местных судов (казийских и бийских), легализации профессиональных школ»⁴¹. На его основе был принят декрет ЦИК советов Туркестанской республики по возвращению вакфов мадрасам и мечетям от 20 июня 1922 г.⁴² Согласно этому декрету в трех коренных областях Туркестанской республики – Самаркандской, Ферганской и Сыр-Дарьинской вакфы, имеющие законные вакф-нама участками земли и построенными на них лавками, магазинами, банями, каравансараями, складами, садами возвращались мадрасам, которые им владели до революции. Эти средства могли быть истрачены только на содержание персонала мадраса (старший мударрис, мударрисы, мукаррир, мутавалли, служащие), учащихся-мулла трех старших классов и на уплату государственных налогов. К контролю за их деятельностью привлекались заведующий Отделом народного образования, народный судья (кади). Для управления мадрасами создавались коллегии в городах Коканд, Андижан, Маргелан, Самарканд, Худжанд, Ош, Катта-Курган, Джизак.

Однако борьба не прекращалась, давление на религию со стороны властей все возрастало. На изменение политики в этой области решающее значение имели резолюция седьмого съезда Коммунистической партии

Туркестана от 11-16 марта 1923 г. «Об антирелигиозной пропаганде в условиях Туркестана», резолюция первого съезда Коммунистической партии Узбекистана от 6-12 февраля 1925 г. «Антирелигиозная пропаганда» и др. Реформирование старометодных учебных заведений было приостановлено к концу 1923/24 учебного года. Конфессиональная школа фактически была объявлена вне закона⁴³. Тут важно отметить одну деталь. Вся традиционная система исламского образования стала называться «реакционной», на новом советском лексиконе она получила название «неграмотность»⁴⁴. В 1924 г. была образована Чрезвычайная комиссия по борьбе с неграмотностью⁴⁵. С 1 апреля 1924 г. новометодные мактабы были переведены на программу единых трудовых школ первой ступени, новометодные мадрасы – на программу школ второй ступени⁴⁶. В докладной записке Главного вакуфного управления от 20 августа 1924 г. было заявлено: «В настоящий момент на распоряжении ГВУ не имеются конфессиональные и новометодные школы»⁴⁷. В 1925 г., несмотря на протесты мусульманского населения (протестантов арестовывали, подержав их в тюрьме, пока выпустили) началось силовое закрытие мадраса, мактабов, кари-хана. Этот процесс полностью был завершён только в конце 1920-х годов⁴⁸. Вместо ликвидированных исламских школ возникли нелегальные подпольные школы (худжра, от арабского слова «комната», «келья»), так как традиции и потребности в получении религиозного образования среди населения сохранялись.

Важным этапом в ликвидации исламских учебных заведений, особенно в Бухаре и Хиве, было проведение территориально-национального размежевания республик. Перевод всех представительных органов в Таш-

кент, превращение крупнейших центров исламского образования Бухары, Хивы, Коканда в захолустные провинциальные города преследовали цель ослабить их влияние на процессы по всей Средней Азии. В целях предотвращения коллективных действий коммунистов-националистов по созданию единой Туркестанской республики на территории всех трех республик (Туркестанской АССР, Бухарской ССР, Хорезмской ССР) 16 сентября 1924 г. ЦИК Туркестанской АССР приняло постановление о территориально-национальном размежевании «среднеазиатских» республик. Так было положено начало появлению пяти республик (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан), одной автономной республики (Каракалпакистан) и одной автономной области (Горно-Бадахшанская) в Средней Азии. Процесс формирования новых национальных республик в «Средней Азии» (вместо «Русского Туркестана») продолжался долго – до 1936 г. Однако, предохраняя себя от одной угрозы, советское государство невольно готовило другие структуры для возникновения независимых государств.

В составе Узбекской ССР

Развитие сети конфессиональных школ было связано не только с их традиционностью, укорененностью в обществе, соответствием привычным образовательным стандартам, но и с активным неприятием советской школы. Дело в том, что период с 1921 по 1926 г. в Туркестане, затем в Узбекистане, характеризуется тем, что советская школа переходила от безрелигиозного воспитания к резко антирелигиозному, атеистическому. Тем самым власть стремилась подчинить сознание подрастающих поколений своим интересам. Но это же глубоко задевало чувство верующих родителей, ко-

торые старались привить религиозные чувства детям. В школах организовывались кружки юных безбожников, которые вели работу не только среди учащихся, но и среди взрослого населения. В Узбекистане 20 ноября 1928 года открыл свою работу первый республиканский съезд безбожников.

Не случайно, именно с середины 1920-х годов, когда власти увидели в конфессиональных учебных заведениях серьезнейшего конкурента советской школьной системы, был взят курс на ограничение конфессионального образования⁴⁹. А оно имело не только глубокие исторические корни, но и в «либеральные» 1920-е годы получило широкое распространение. Факты свидетельствуют о том, что в Ферганской долине (Андижанский уезд) в 1926/27 учебном году не только сохранились и функционировали старометодные (конфессиональные) учебные заведения, но в Ферганской области они в начале второй половины 1920-х годов даже составляли конкуренцию советским школам, намного превышая их число⁵⁰. Аналогичная ситуация была характерна и для других регионов Узбекистана⁵¹.

Начиная с 1926 года в целом ряде районов идет уменьшение числа исламских учебных заведений, что видно на примере Кашкадарьинского округа, который считался самым отстающим. До Октябрьской революции в 1917 г. в трех районах этого округа было 80 мактабов, в 1925 г. – 40, в 1926 г. – 30 и в 1927 году – 20⁵².

Однако административное давление вызывало острое недовольство местного населения. В июне 1926 г. А. Икрамов сообщает в Ташкентский областной комитет коммунистической партии о поступающих в Центральный Комитет сведениях о недовольстве и «некоторой нервозности» коренного населения в связи с закрыти-

ем ряда конфессиональных учебных заведений, и предупреждает, что «по отношению старометодных и других школ должна быть проявлена максимальнейшая осторожность, поспешность в этом деле только вредна»⁵³.

Поспешность была вредна и в том отношении, что в условиях острого дефицита учительских кадров, было важно привлечь в советскую школу старых учителей из исламских учебных заведений. Но им создавались всяческие преграды по «политическим и идейным соображениям». А многие старые преподаватели мадраса и мактабов были репрессированы как «пособники классового врага»⁵⁴. В свою очередь, руководство исламских учебных заведений ради сохранения системы традиционных учебных заведений предприняло попытку перестроить мактабы и мадраса на «советский лад». Мактабы переводились из зданий мечетей в отдельные помещения, в классах ставились парты, в программы вводились такие дисциплины как арифметика, география. Таким образом, в условиях административного давления руководством исламских учебных заведений был избран путь ее эволюционной трансформации.

Но в условиях тоталитарного режима она была обречена. V Пленум ЦК КП(б) Узбекистана (март 1927 г.), определив, что «фундаментом культуры является школа», принял решение о необходимости передачи всех вакуффов, за счет доходов с которых существовало большинство конфессиональных учебных заведений, на обслуживание культурных нужд трудящихся Узбекистана⁵⁵. Тем самым из-под традиционных исламских учебных заведений выбивалась ее существенная материальная база.

Курс на ликвидацию исламского образования

На VI пленуме Коммунистической партии Узбекистана (13-15 июня 1927

г.) была принята резолюция, кардинально менявшая ситуацию с исламскими учебными заведениями:

«О МУСУЛЬМАНСКОМ ДУХОВЕНСТВЕ И ШКОЛЕ»

VI пленум ЦК КП (б) Узбекистана считает:

...15. Одобрить решение Исполбюро ЦК об изъятии религиозных вакуффов из ведения духовного управления, передав основную часть их органам просвещения.

17. Учитывая вредность реформированных школ, ни в коем случае в дальнейшем не допускать реформ конфессиональных школ, а в отношении уже реформированных школ - считать необходимым принять все меры к их закрытию, как путем открытия в этом же районе новых советских школ (вовлекая учащихся старометодных школ в советские), также и запрещения в реформированных школах преподавания религиозных предметов и вообще преподавания духовными лицами.

Считать необходимым разделить все школы мусульманского вероисповедания на две категории:

– первая категория – это школы реформированного и старометодного типа, где одновременно с религией преподаются и религиозные науки.

– Вторая категория школ (карыхана, мадраса) – где преподаются исключительно религиозные науки.

Для первой категории ЦК КП (б) Узбекистана считает необходимым установление предела достигших 14-летнего возраста, а второй категории – 16-летнего возраста, при условии добровольного согласия самих учащихся⁵⁶.

Следующий, VI пленум ЦК (июнь 1927 г.) того же года подтвердил прежнее решение «об изъятии религиозных вакуффов из ведения духовного управления, передав основную часть их органам просвещения»⁵⁷. Тем самым курс на ликвидацию основной

материальной базы традиционного конфессионального образования еще более усиливался.

21 сентября 1926 г. состоялось Особое совещание Отдела законодательных предложений Наркомата юстиции УзССР с представителями Наркомпроса по вопросу о реформе старометодных учебных заведений и кары-хана в УзССР. Это совещание отметило, что старометодные учебные заведения выпускают людей, не только не приспособленных к условиям жизни современного общества, но и социально вредных. Было выработано предложение образовать комиссию по ликвидации старометодных учебных заведений. Эта комиссия провела необходимую подготовительную работу и внесла свои предложения в организационный отдел ЦИК УзССР⁵⁸.

Согласно этого решения с 1928 г. властями в целом был взят курс на полную их ликвидацию. В ноябре 1928 года IV сессией Центрального исполнительного комитета Узбекской Советской социалистической республикой был принят декрет «О ликвидации старометодных школ и медресе», по которому на территории современного Узбекистана к концу 1920-х годов практически все мактабы были закрыты (часть их уцелела и ушла в подполье). Тем самым обеспечилась монополия советской системы образования.

Заключение

Судьба традиционного конфессионального образования

Следует сказать, что в ходе работы над данной темой возникло ощущение, что это была очередная тайна советской власти, тщательно скрывавшей неудобные для себя моменты прошлого. Так оно и оказалось, поскольку в вопросе об образовании речь шла о взаимодействии цивилизаций.

Исходя из того исторического фак-

та, что местное туркестанское общество представляло собой цивилизационный феномен, в котором устойчивость религиозной сферы порожидала тесную с ней связь (в том числе и материальную в качестве финансовой основы) и образовательной системы, можно было предположить, что эта связь обязательно проявит себя в исследуемый период. Фактический материал, обнаруженный в архивохранилищах и отрывочного характера сведения из литературы, подтверждают это предположение. Иными словами, традиционные исламские учебные заведения, имеющие за спиной сотни лет существования, показали удивительную устойчивость в историческом соревновании с новометодными мактабами и с советской школой.

Что касается джадидских школ, то можно сделать вполне определенный вывод, что даже в царское время их малый успех в «соревновании» со старометодными учебными заведениями определялся, с одной стороны, негативным к ним отношением колониальной администрации, а с другой, – был связан со стремлением джадидов реформировать туркестанское общество, а значит и с конфронтацией с традиционным духовенством, понимавшим связь системы образования с состоянием общества.

Тем не менее, очень приблизительные цифровые данные о количестве учебных заведений старого типа, которые удалось выявить в ходе исследования, убеждают в устойчивости именно этого типа образования. А это значит, что дело было в цивилизационном сопротивлении местного общества.

Усиление административно-репрессивного давления на исламское образование как в Узбекистане, так на территории всей страны к концу 1920-х годов было связано с процессом утверждения тоталитарного режима в СССР.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Остроумов Н.П. *Исламоведение. Введение в курс исламоведения*. Ташкент, 1914, с. 208.
2. Остроумов Н.П. *Указанное сочинение*, с. 209.
3. Думенко М.Ф. С.М. Граменицкий и его роль в развитии народного образования в Туркестанском крае // *Ученые записки Ташкентского государственного университета* (Ташкент). Выпуск 308 (1967), сс. 85-87.
4. Максумов М.С. *Просветительная деятельность и педагогические мысли Абдулы Авлони* // *Ученые записки Ташкентского государственного университета* (Ташкент). Выпуск 308 (1967), сс. 78-83.
5. Хасанов Б.В. *Национальная интеллигенция Узбекистана и исторические процессы 1917-начала 50-х годов*. Ташкент, 2000, с. 47.
6. *Записки П.А. Столытина по «мусульманскому вопросу» 1911 г. Предисловие, примечания и комментарий Д.Ю. Арапова* // *Восток (Oriens)*, Москва. № 2 (2003), с. 125.
7. Остроумов Н.П. *Указанное сочинение*, с. 209.
8. ЦГА РУз, фонд Р-34, опись 1, д. 41, лист 123.
9. Там же, ф. Р-34, оп. 1, д. 461, л. 16 оборот.
10. *Уроки религии в мусульманских школах* // Газета «Иштиракийун». 1919 год, номер за 27 декабря (на узбекском языке).
11. ЦГА РУз, ф. Р-17 (Туркестанский Центральный исполнительный комитет), оп. 1, д. 1062, л. 19.
12. ЦГА РУз, ф. Р-34, оп. 1, д. 461, л. 20 оборот.
13. Там же, л. 22-23.
14. Билик В. *Роль конфессиональной школы в жизни Туркестана* // *Наука и просвещение*. Ташкент, №1 (1922), с. 27.
15. ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 20, л. 68.
16. Там же, ф. Р-34, оп.1, д. 461, л. 27
17. ЦГА РУз, ф. Р-34, оп. 1, д. 461, л. 216-217 оборот.
18. *Мунаввар-кари Абдурашидханов. Избранные сочинения*. Ташкент, 2003 (на узбекском языке); Курбанов Ж.Ф. *Политическая борьба по вопросу национальной государственности в эпоху установления большевистского порядка в Туркестане. Неопубликованная диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук*. Ташкент: Ташкентский государственный институт востоковедения, 1995, сс. 137-139 (на узбекском языке).
19. Эргашев Ф., Обидов Д. *Из истории национального образования*. Ташкент, 1998, сс. 59-62 (на узбекском языке).
20. Раджабов З.Ш. *Джадидизм в Туркестане (1905-1917)*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ленинград, 1937; Худайкулов А.М. *Просветительская деятельность джадидов Туркестана в конце XIX-начале XX вв.* Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ташкент, 1995.
21. Умняков И. *К истории новометодной школы в Бухаре* // *Бюллетень Среднеазиатского госуниверситета*. Выпуск 16 (Ташкент, 1927), сс. 81-100; Хайдаров Г.Х. *Очерки истории народного образования в Туркестанской АССР (1917-1924 гг.)* Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ташкент, 1953; Ким П.Г. *Документальные источники по истории народного образования в Туркестанской АССР (1917-1924 гг.)*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ташкент: Институт истории АН УзССР, 1973.
22. *О вакфном хозяйстве в Средней Азии см.: Чехович О.Д. Документы аграрных отношений в Бухарском ханстве*. Ташкент, 1954; Абдураимов М.А. *Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI-первой половине XIX века: в 2 томах*. Ташкент, 1966; Иванов П.П. *Архив хивинских ханов XIX века: описание документов с историческим введением*. Ленинград, 1940; Казаков Б. *Документальные памятники Средней Азии*. Ташкент, 1987; Kazakov B. *Bukhara documents: the collection in the District library, Bukhara (ANOR, 9)*. Berlin, 2001; Семенов А.А. *Бухарский трактат о чинах и званиях* // *Советское востоковедение*, 5 (1948), сс. 137-153.
23. Subtelny M. and Khalidov A. *The Curriculum of Islamic Higher Learning in Timurid Iran in Light of the Sunni Revival under Shāh-Rukh* // *Journal of the American Oriental Society*. № 115 (1995), pp. 210-236.

История ислама в ближнем зарубежье

24. Эта книга североафриканского автора получила широкое распространение в мусульманском мире. О бытовании этой книги среди мусульман Северной Африки см.: Witkam J.J. *Vroomheit en activisme in een islamitisch gebedenboek*. Leiden, 2002.
25. Как показала Ш. Тошева, уставы («цеховики-обрядники») ремесленников и земледельцев пропитаны суфийским духом: *Katalog sufischer Handschriften aus der Bibliothek des Instituts fuer Orientalistik der Akademie der Wissenschaften, Republik Usbekistan*. Herausgeber: Juergen Paul (*Verzeichnis der orientalischen Handschriften in Deutschland, Supplementband 37*). Stuttgart, 2002, S. 284-308.
26. Демидов С.М. Туркменские овляды. Ашхабад: Ёлым, 1976, с. 12.
27. Карлыбаев, указ. соч., с. 25; Семенов А.А. Список восточных рукописей Туркестанской публичной библиотеки. Рукопись в книжном фонде Института востоковедения Академии наук Республики Узбекистан, № С 72/623, объем – 31 лист. Список книг из Библиотеки Дукчи-ишана, подготовленный к изданию А. Муминовым и Ш. Зийадовым будет опубликован в первом томе серии “*Theological Disputes in Central Asia in the XXth Century*. Edited by Anke von Kuegelgen” (forthcoming).
28. Известия Туркестанского ЦИК. Ташкент, 1922 год, 11 июня, № 112.
29. ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 403, л. 6.
30. Там же, л. 6.
31. Съезды советов. Сборник документов в 3-х томах. 1917-1936 гг. Том 1, Москва, 1959, с. 513.
32. ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 302, л. 349-351.
33. Газета «Туркестанская правда» (Ташкент). 1923 год, 20 мая, № 104.
34. Коммунистическая партия Туркестана в решениях съездов и конференций. Ташкент, 1988, сс. 255-260.
35. Икрамов А. О духовенстве и школе. Доклад на VI пленуме ЦК КП (б) Узбекистана 14 июня 1927-го года // *Избранные труды в 3-х томах*. Том I. Ташкент, 1972, сс. 280-297.
36. Съезды советов. Сборник документов в семи томах. 1917-1937 гг. Том IV, часть 1, Москва, 1962, с. 281.
37. ЦГА РУз, фонд Р-94, опись 2, дело 62, лист 7.
38. Икрамов А. *Избранные труды*. Том I. Ташкент: Узбекистан, 1972, с. 418.
39. Вишневский А. Как это делалось в Средней Азии: О политике коммунистов Туркестана и Бухарской НСР в отношении религии // *Наука и религия*. № 2 (1990), сс. 50-51.
40. Архив президента Республики Узбекистан, фонд 14, опись 1, дело 134, лист 31.
41. ЦГА РУз, фонд Р-94, опись 1, дело 320, лист 121.
42. ЦГА РУз, фонд Р-17, опись 1, дело 312, листы 108-109 оборот.
43. Билик В. Роль конфессиональной школы в жизни Туркестана // *Наука и просвещение*, № 1 (Ташкент, 1922), сс. 27-29.
44. Полемику о том, кого советская власть посчитала «неграмотными», сколько процента составляла по данным советской официальной статистики «грамотность» среди местного населения и насколько на самом деле грамотным было местное население см.: Бабабеков Х. Были ли в прошлом узбеки неграмотными? // *Фан ва турмуш* (Ташкент: Академия наук Республики Узбекистан). № 8 (1989), сс. 22-24; № 10 (1989), сс. 12-15.
45. Ишанов А.И. Бухарская народная советская республика. Ташкент, 1969, с. 346.
46. Курбанов, указ. соч., сс. 146-147.
47. ЦГА РУз, фонд Р-34, опись 1, дело 1758, лист 156.
48. Курбанов, указ. соч., сс. 149-151.
49. Оно началось с середины 1920-х годов, когда началось и сворачивание курса реформ НЭП и становление сталинского тоталитарно-репрессивного режима (См.: Чориев А. Проблемы народного образования и подготовки педагогических кадров Узбекистана (вторая половина 20-х-30-е годы). Ташкент: Фан, 1997, сс. 47 и др.).
50. ЦГА РУз, ф. Р-94, оп. 2, д. 62, л. 7.
51. Панабергенов А. Народное просвещение в Кара-Калпакии в первые годы Советской власти (1917-1925 гг.) // *Известия Академии наук УзССР, серия общественных наук, выпуск 2*. Ташкент, 1957, сс. 39-42; Досумов Я.М. *Очерки истории Кара-Калпакской АССР*. 1917-1927 гг. Ташкент, 1960, с. 292; Билялов Г.М. *Из истории и ликвидации религиозных школ в Хорезме* // *Вестник Кара-Калпакского филиала АН РУз, Нукус*, № 1, 1971, сс. 40-46.

52. Кобецкий М. Антираелигиозное воспитание в советской школе национальных районов // *Коммунистическая революция* (Москва), № 6 (1929), с. 60.
53. Икрамов А. *Избранные труды*. Том I. Ташкент, 1972, с. 482.
54. Чориев А. К характеристике состояния народного образования в Узбекистане начала 20-х годов // *Общественные науки в Узбекистане* (Ташкент), № 3-4 (1997), с. 80.
55. Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. В 4-х томах. Том I. 1925-1937 гг. Ташкент, 1987, с. 277.
56. Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. Том I, 1925-1937, Ташкент, 1987, сс. 31-36.
57. Там же, с. 305.
58. ЦГА РУз, фонд Р-94, опись 1, дело 418, лист 15.